

КОНТРОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТЬЮ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Круглый стол "ЧТО МОГУТ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БОРЬБЕ ЗА ИНФОРМАЦИОННУЮ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ"

Светлана Шайхитдинова,
Казанский государственный университет

Какая информация может считаться социально значимой?

Первое, о чем хотелось бы сказать, это об объеме понятия "социально значимая информация" и связанном с ним понятии "кухня". Начну с конкретной ситуации, одной из тех, которые отслеживает наше региональное отделение Фонда защиты гласности, год назад открывшееся в Казани.

Журналист, выполняя редакционное задание, выпил пива и прогуливался около районного отделения милиции. Его задержали. Он стал возмущаться, в результате был избит, ночь провел в кутузке. Свои злоключения он описал в репортаже. В ответ милиция начала против этого репортера и газеты "Казанское время" настоящую информационную войну. В других изданиях появились публикации с осуждением использованного журналистом метода сбора информации, выступивший по местному телевидению представитель пресс-центра МВД республики рассказал об успехах и достижениях милиции. На газету "Казанское время", допустившую неточность в названии подразделений силовых структур, милицейские чины подали судебный иск о защите деловой репутации.

Нашим региональным отделением Фонда защиты гласности был организован круглый стол с участием первых лиц управления внутренних дел Казани и редакторов газет. Шумно обсуждался вопрос, позволительно ли репортеру идти на такую провокацию, чтобы потом дать детальное описание того, как расправляется милицейский состав с задержанными гражданами. И оказалось, что подобная, неоднозначная с точки зрения профессиональной этики ситуация осуждается не только милицией, но и многими журналистами. Это отчасти объясняет, почему интервью, данные в поддержку позиции газетчиков в этом конфликте, до аудитории так и не дошли. Хотя в дальнейшем газета неоднократно публиковала письма читателей, подтверждающих, что ситуация, которую спровоцировал репортер, типична.

Таков конкретный случай. Я его рассказала подробно потому, что он выходит на проблему "кухни". Здесь много раз говорили о допустимых границах информационной открытости социальных институтов. Было высказано мнение о возможности держать какую-то часть информации в качестве "кухни", в которую, дескать, нет надобности всех впускать. Это толкование "кухни" очень метафорическое. На уровне регионов оно может повлечь непредсказуемые последствия. К примеру, в описанной ситуации, с точки зрения милиции, "кухней" является то, как они обходятся с задержанными гражданами.

И далее, продолжая разговор об объеме понятия "социально значимая информация", я хотела бы высказать одно суждение в диалоге с Марком Владимировичем Рацем. Мне очень понравилось его выступление, как может понравиться выступление человека, который вносит ясность в запутанные вопросы. Ты на самом деле находишься в

джунглях, а ощутил себя в сосновом бору. Но с другой стороны, хотелось бы сделать одно дополнение к его трактовке информации и знания. Дело в том, что если добавить сюда такие измерения, как время и пространство, то эти понятия, очень четко разграниченные, обнаруживают свою относительность. Очень большую относительность. В этих координатах информация есть отношение, а отношение это процесс, а процесс это всегда динамика. То есть информация может стать знанием, а знание через некоторое время станет информацией. И в зависимости от того, с точки зрения какого субъекта мы рассматриваем это явление, для одного это информация, для другого знание и т.д.

Иначе говоря, попытка объективировать процессы, которые происходят в сфере информации, конечно, очень привлекательна – мне самой это всегда нравится, особенно когда схема такая красивая, – но с другой стороны, такая попытка не вполне корректна. На мой взгляд, как раз понятие социально значимой информации должно оставаться метафоричным, так сказать, по определению, в принципе. То есть оно не может быть строгим. Оно должно заключать в себе некое пространство, которое может быть заполнено в ходе развития. Оно так и заполняется. И только в этом случае об информации можно говорить как о факторе культурного процесса. А принадлежит ли некий факт к факту культуры или нет, мы можем судить только после того, как этот факт состоялся, а не до того.

Исходя из этого соображения, мы изначально вынуждены субъективировать понятие "социально значимая информация", а уж потом быть точными и корректными в определении ее составляющих. И вот уже на других ее уровнях, в отношении разнообразных ответвлений различных тайн – профессиональной, государственной и тому подобное – мы должны быть четкими. И здесь метафоры вроде таких, как "кухня", недопустимы.

Второе, на чем я хотела бы остановиться, это национально–культурная характеристика информации, ее, так сказать, особо субъективная составляющая. Мне хотелось бы добавить к спектру обсуждаемых здесь тем национально–этнический аспект проблемы доступа к информации.

Образно говоря, если какая–нибудь бабушка из Тамбова все–таки когда–нибудь получит доступ к серверу, будет иметь доступ к различным там сайтам, к Интернету, то татарская бабушка по сравнению с ней находится в проигрышном положении, потому что она говорит на татарском языке. Коренное население Татарстана, говорящее на татарском языке, – а это в основном сельские жители – по обеспеченности социально значимой информацией находится в наибольшем проигрыше по сравнению с русскоязычным населением. В республике эта проблема обсуждается на различных уровнях, высказываются разные предложения, вплоть до необходимости принять местные законы об электронных и печатных СМИ, где отдельной строкой оговорить условия баланса информации на разных языках.

Говоря о доступе к информации в полиэтнических регионах этот аспект нельзя не учитывать.

Добавлю только несколько слов о работе нашего отделения Фонда защиты гласности. По сравнению с другими областями и регионами, она имеет свою специфику в силу культурно–этнической неоднородности информационных потоков. Мы постоянно натываемся на различное толкование одних и тех же явлений со стороны представителей разных национальностей. Есть у нас трудности, связанные с ментальной закрытостью татароязычного населения. Я так считаю, потому что сама татарка, хотя и не коренная, но во всяком случае мои родители и сын разговаривают на татарском языке. Татарское население, по сравнению с русским, сейчас в большей

степени информационно закрыто. Речь идет не только о закрытости власти как таковой. Речь о ментальной закрытости самого населения. Иначе говоря, возвращаясь к сказанному, доступ к информации – проблема не только гражданского общества, это и проблема культуры. Поскольку я этими вопросами занимаюсь как теоретик, я могу утверждать, что склонность к информационной закрытости характерна для российского человека.

В западном обществе определение социально значимой информации, как и полагается, изначально свободно от всяких ограничений. У нас же ответственность предупреждает свободу. И не только, когда чиновник использует листы с грифом "Для служебного пользования". Мы зачастую сами на это ориентированы.

Вопросы и ответы

– Как Вы считаете, запись в Конституции "Органы государственной власти и местного самоуправления и должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом" – это достаточно демократичная статья?

– Она не работает, это декларация. В этом случае Татарстан как республика, которая стремится принять демократический облик, в соответствии с этим имиджем предвосхищает своими декларациями практику. Но дело в том, что наши чиновники ничем не отличаются от российских, а в чем-то даже в большей степени, чем где-либо, проявляют себя как чиновники.